

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из давно и активно разрабатываемых разделов семантики является изучение обозначений цвета в разных языках мира. Такие обозначения удобны для изучения тем, что здесь, в отличие от многих других классов лексики, сравнительно легко выработать общую систему признаков, на основе которой возможно описание и сравнение разных систем. У нас этой проблематике посвящен ряд исследований — см., например, [Фрумкина 1984; Кульпина 2001]. Классической здесь считается американская работа [Berlin, Kay 1969], до сих пор используемая для изучения цветовых систем разных языков; см., например, [Кронгауз 2005: 90—91].

Б. Берлин и П. Кей на основе анализа материала 98 языков разных семей и групп, включая японский, выделили универсальный набор из одиннадцати цветов, который либо целиком, либо частично используется в любом языке. Это (в русском переводе) *белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый* [Berlin, Kay 1969: 2]. Критерии отнесения названий цветов к основным: их обозначение одним корнем, обыденное употребление, использование по отношению к разнообразным объектам (например, не к мастям лошадей), отсутствие вхождения в зону другого обозначения, стабильная оценка информантами [Там же: 5—7]. В результате были получены определенные универсалии: во всех языках есть слова со значением *белый* и *черный*, следующий по распространенности — *красный*, далее на равных правах *зеленый* и *желтый*, затем *коричневый*, а четыре наиболее редких цвета (*серый, оранжевый, розовый* и *фиолетовый*) составляют единую группу. Наличие в языке обозначения, находящегося ниже в иерархии, требует наличия всего того, что находится выше [Там же: 2—4]. Выдвигается также гипотеза о том, что и исторически цветообозначения формируются в таком же порядке [Там же: 14—20].

Описанная система основана на представлениях носителей английского языка, хотя как-то учитываются и ее возможные вариации, в том числе в русском языке, где имеется не входящий, согласно Б. Берлину и П. Кею, в число 11 основных цветов *голубой* [Там же: 99]. Наличие такого цвета — единственная особенность русского языка, выделенная в книге, хотя этот язык имеет и другую. *Розовый* цвет, в отличие от соответствующего ему *pink*, не принято включать в число основных цветов, а для русского восприятия он не соответствует одному из указанных выше критериев такого включения: *розовый*, в отличие от *оранжевого* и *фиолетового*, — часть красного цвета.

У нас традиция иная по сравнению с классификацией Б. Берлина и П. Кея: принято считать английскую систему, не различающую *голубой* и *синий* цвета, более бедной, чем русская система. Впрочем, и в русском языке дистанция между *голубым* и *синим* меньше любой другой. Вот пример из воспоминаний академика А. П. Александрова. Он описывает, как в годы войны ему вдруг встретились «солдаты с голубыми погонами, какие-то летчики без пропеллеров»; оказывается, Александров тогда «не знал формы НКВД» (Новая газета, 28.08.2009). Однако две формы отличаются и цветом: обычно *голубой* считается лишь авиационная форма, цвет же другой формы (НКВД, позднее КГБ) оценивается как *синий*. Но форма пограничников может быть только *зеленой*, грань между *голубым* и *зеленым* очень строгая. Не находят аналога *голубому* Б. Берлин и П. Кей и в других языках, что, впрочем, в каких-то случаях может объясняться ориентацией этих авторов на англоязычную литературу. Однако в японской системе, по крайней мере среди основных цветов, действительно нет, как мы увидим, аналога *голубому*, что подтверждает гипотезу Б. Берлина и П. Кея.

Перейдем к японскому языку. Б. Берлин и П. Кей, ориентируясь на материал англо-японского словаря 1942 г., относят его к языкам, где есть все одиннадцать цветообозначений [Berlin, Kay: 1969]. Однако они указывают, что если современная система укладывается в общие закономерности, то в прошлом, видимо, система была другой, создающей проблемы. Методом внутренней реконструкции получается базовая система из пяти непроединимых цветообозначений, среди которых есть и *ao(i)*, что в современном языке значит *синий*, тогда как *midori* ‘зеленый’ (буквально ‘цвет молодой зелени’) явно вторично; отсюда можно предположить в прошлом переход *ao(i)* от *зеленого* к *синему* [Ibid.: 42—43].

Однако и в современном языке *aoi* может переводиться в зависимости от контекста и как *синий*, и как *голубой*, и как *зеленый*. Например, в Большом японско-русском словаре даны все три этих перевода (*синий* и *голубой* даны как варианты одного значения, а *зеленый* — как отдельное значение), а также значение ‘незрелый’ [БЯРС 1970: 24]. Такая подача значений — еще один пример того, что различие *синего* и *голубого* в сознании носителей русского языка иное, чем дифференциация других цветов. Для значения *зеленый* в словаре даны примеры *aoi taouo* ‘зеленый луч (заходящего солнца)’ и *kaou ga aoi* ‘бледен’ (буквально *лицо зеленое*). В большом толковом словаре [Koijien 1976: 10] *aoi* определяется и как цвет неба, и как цвет травы, и как цвет незрелых овощей. Безусловно, исконно в японском языке не расчленилась синяя и зеленая часть спектра (разделение двух значений в БЯРС — отражение русских представлений). Однако в полной мере такое единство существовало лишь в старом языке (до начала европеизации Японии в XIX в.), сейчас значение *aoi* уже сдвинулось в область *голубого* и *синего*, сохраняясь в значении ‘зеленый’ лишь в устойчивых сочетаниях (в том числе переносное значение ‘незрелый’ так и осталось за ним). Это значение теперь чаще передается другими словами: *midori*, его сокращением *midori* и заимствованием из английского *guriin*. Так что Б. Берлин и П. Кей, не зная истории японского языка, предпо-

ложили переход, который действительно в ней был. Вероятно, на этот переход повлияло знакомство с системой обозначений цвета в западных языках, где зеленый и синий цвет строго разграничены.

В книге Дж. Стенлоу [Stanlaw 2004: 211—234] концепция Б. Берлина и К. Кея (названная «вызовом гипотезе Сепира — Уорфа» [Там же: 217]) была проверена на японском материале. Рассмотрены основные цветообозначения, выделенные у Б. Берлина и П. Кея; некоторые из них включают в себя компонент *iro* ‘цвет’ (первые четыре слова даются в форме основы, употребляющейся сравнительно редко, они чаще всего являются прилагательными с окончанием словарной формы *-i*). Это *shiro* ‘белый’, *kuro* ‘черный’, *aka* ‘красный’, *ao* ‘синий’, *murasaki* ‘фиолетовый’, *midori(iro)* ‘зеленый’, *kiro* ‘желтый’, *chairo* ‘коричневый’, *tomoiro* ‘розовый’, *daidaiiro* ‘оранжевый’, *haiiro* и *nezumiro* ‘серый’. Отметим, что слов двенадцать, а не одиннадцать, поскольку Б. Берлин и П. Кей, исходя из своего источника информации, для серого цвета взяли два слова, не вполне синонимичных, из которых действительно трудно выбрать основное. Только пять первых слов (в том числе для фиолетового) не производны, остальные включают в себя (обязательно или факультативно) компонент со значением ‘цвет’. Последние пять слов буквально означают ‘цвет чая’, ‘цвет персика’, ‘цвет апельсина’, ‘цвет пепла’, ‘цвет мыши’. *Midori* и *ki* находятся в промежуточном положении: *midori* может использоваться с *iro* и (чаще) без него, а *ki*, чаще употребляемое в составе *kiro*, в современном языке уже ничего, кроме как ‘желтый’, не означает.

Существует еще восемь обозначений, не входящих в набор Берлина и Кея, из них одно производное *kon* ‘темно-синий’ (между синим и фиолетовым), остальные производны (отметим среди них *sorairo* ‘цвет неба’, встречающееся в русско-японских словарях как эквивалент слова *голубой*). Отмечается, что *kon*, *mizuiro* ‘светло-синий’ (‘цвет холодной воды’) и *kimidori* ‘зелено-коричневый’ (но не *sorairo*) не менее частотны, чем последние четыре слова из первого списка. Наконец, имеются девять заимствований из английского: *pinku* ‘розовый’, *orenji* ‘оранжевый’, *guree* ‘серый’, *buraun* ‘коричневый’, *kaaki* ‘хаки’, *beeju* ‘бежевый’, *kuriimuiro* ‘кремовый’, *emerarudo* ‘изумрудный’, *guriin* ‘зеленый’. Среди них нет ни одного из цветов, обозначенных производными японскими словами (слова вроде *howaito* ‘белый’ (из *white*) существуют лишь в устойчивых сочетаниях: *howaito hausu* ‘Белый дом’), зато в конце шкалы Берлина и Кея они не только появляются, но и становятся преобладающими: как указывает Дж. Стенлоу, *pinku* и *orenji* много частотнее, чем соответствующие им *tomoiro* и *daidaiiro*; это соответствует и нашим наблюдениям. Отметим и распространенность *guriin*, о соотношении *guriin* и *midori* см. ниже.

Далее Дж. Стенлоу опросил информантов о том, какие цвета они считают основными [Там же: 219—221]. Более трех четвертей назвали белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый (*midori*), более половины фиолетовый и коричневый (*chairo*). Далее следовали розовый (43 %) и оранжевый (39 %), но обозначены они были исключительно заимствованными словами *pinku* и *orenji*. Около четверти информантов указали цвета, обозначенные словами *kon*, *mizuiro*, *kimidori*;

как указывает Дж. Стенлоу, для них нет точных эквивалентов в английском языке (как, по-видимому, и в русском). Все три обозначения серого цвета в совокупности назвали лишь 10—15 % информантов, как и *buraun* ‘коричневый’ и *gin'iro* ‘серебристый’ (цвет серебра). Остальные цветообозначения, включая *sorairo* ‘голубой’ и исконные наименования розового и оранжевого, единичны.

Американский исследователь указывает, что основная часть шкалы Берлина и Кея вполне соответствует данным опроса, но имеются два отличия на ее периферии. Во-первых, очень низки данные для серого цвета (в четыре раза ниже, чем для фиолетового), несмотря на три имеющихся слова, включая американизм; следует учитывать, что *пепельный цвет* и *мышинный цвет* вызывают в Японии отрицательные ассоциации [Stanlaw 2004: 233]. Ср. русский язык, где заимствованные прилагательные *оранжевый* и *фиолетовый* ощущаются, наоборот, как периферийные по сравнению с *серый*. Во-вторых, возможно, в качестве двенадцатого основного цвета в промежутке между синим и фиолетовым следует добавить цвет, обозначаемый японским словом *kon* [Там же: 234]. Вероятно, можно при такой трактовке считать тринадцатым цветом *голубой*. А вот фиолетовый цвет имеет непроемное обозначение (*murasaki*) и издавна считался одним из основных; можно вспомнить имя знаменитой писательницы начала XI в. Мурасаки Сикибу.

Очевидно влияние на современную японскую систему цветообозначений в западных языках, прежде всего в английском, что видно и в строгом разграничении зеленого и синего цвета, и в прямых заимствованиях: они заняли в системе места, которые требовалось заполнить. Оранжевый и розовый цвета (но не фиолетовый) исконно были в Японии на дальней периферии, но распространение западных представлений о цвете потребовало их постоянного обозначения (то же, по-видимому, произошло и в России с оранжевым и фиолетовым цветами). Но если для зеленого цвета расширило употребление исконное слово, то для розового и оранжевого исконные слова так и остались на далекой периферии, не выдержав конкуренции с американизмами. Возможный кандидат для распространения — *guree* ‘серый’: Дж. Стенлоу пишет, что современная японка не купит кофточку мышинового цвета (*nezumiuro*), но если назвать ее цвет *guree*, то к ней отнесутся иначе [Там же: 208].

Однако и с зеленым цветом, лишь недавно ставшим для японцев одним из основных цветов, ситуация не проста: с *midori* всё более конкурирует *guriin* (из англ. *green*). Соотношение этих слов рассмотрел в одной из статей крупнейший японский социолингвист Сибата Такэси (1915—2007). Он указывал, что они, как правило, не могут заменяться одно на другое и не являются точными синонимами, при этом их различие не всегда соответствует различию по признаку «японский — иностранный». Листья и трава всегда *midori* (трава иногда даже *aoi*), но искусственное травяное покрытие для гольфа — *guriin*, как и кофточка. Исходя из таких примеров, Сибата приходит к выводу: всё естественное — *midori*, а искусственное, сделанное человеком, — *guriin* [Shibata 1993: 17—18]. Такая трактовка объясняет многие примеры. Но вот пример из наших наблюдений: в телевизионной переда-

че о природе Окинавы показали маленькую тропическую ящерицу. Это — природный объект, причем даже живущий в Японии. Но ее цвет был охарактеризован словом *guriin!* Так что скорее разница всё же в культурных ассоциациях: всё экзотическое (а Окинава для большинства японцев — всё же не типичная Япония) и всё, явно связанное с западной культурой, — скорее *guriin*.

Впрочем, приписывание того или иного цвета тому или иному объекту в японском языке может отличаться от привычного для нас. Выше упоминалось, что светло-синий цвет (может быть, светло-голубой?) японцы называют цветом воды, что нам может казаться странным: очевидно, имеется в виду не вода в сосуде или колодеце, а проточная вода в горной реке. А Икэгами Ёсихико приводит такой пример: по-английски неочищенный сахар — *brown sugar* ‘коричневый сахар’, но японцы называют его *akazato* ‘красный сахар’ [Ikegami 2000: 267]. Русская точка зрения на цвет здесь совпадает с английской, но японское *chairo*, по-видимому, более периферийно, чем русское *коричневый* или английское *brown*, и зона коричневого может сокращаться за счет зоны красного цвета.

Отметим еще, что при большом значении времен года в японской культуре они могут постоянно ассоциироваться с теми или иными цветами. Как отмечает Хага Ясуси, для японца весна зеленая (именно *aoi*, а не *midori*: образ традиционен), лето красное, осень белая, а зима черная [Хага 2004: 47]. Заметим, что в русском языке тоже весна — если не зеленая, то связана с зеленью, а лето — издавна красное. Зато осень и зима характеризуются обратно по сравнению с Японией: осень может быть черной (скажем, у А. Кольцова), а зима всегда белая.

Подводя итог, можно сказать, что Дж. Стенлоу не совсем прав, называя методу сопоставления обозначений цвета в разных языках «вызовом гипотезе Сепира — Уорфа» (так считали и сами Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Kay 1969: 2]). Даже Б. Уорф признавал, что каждый язык должен как-то отражать существующий независимо от него закон всемирного тяготения. Более естественно обозначать в языке какие-то существенные объективные различия в области цветообозначений, чем различия менее существенные. Гипотеза Сепира — Уорфа в любом ее варианте не предполагает, что картины мира разных языков должны быть полностью различны; наоборот, Уорф замечал, что в разных европейских языках, несмотря на различия структур этих языков, они удивительно похожи («среднеевропейский стандарт»). Но даже русская и английская системы цветообозначений не идентичны (за счет наличия *голубого* цвета в русской системе), а традиционная японская система отличалась от каждой из этих систем еще больше. Однако современная японская система обозначений цвета под влиянием английского языка и западной культуры приблизилась к «среднеевропейскому стандарту», а недостающие компоненты восполняются за счет заимствований.

ЛИТЕРАТУРА

- БЯРС 1970 — Большой японско-русский словарь / Под ред. Н. И. Конрада. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Кронгауз 2005 — *Кронгауз М. А.* Семантика. М.: Academia, 2005.
- Кульпина 2001 — *Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета. М.: Московский лицей, 2001.
- Фрумкина 1984 — *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Haga 2004 — *Haga Y.* Nihonjin gengo bunka ron koogi (nihonjinrashisa) no koozoo. Tokyo: Taishuukan-shoten, 2004.
- Ikegami 2000 — *Ikegami Y.* «Nihongoron» e no shootai. Tokyo: Koodansha, 2000.
- Koojien 1976 — Koojien. 3-rd ed. Tokyo: Iwanami-shoten, 1976.
- Shibata 1993 — *Shibata T.* Gairaigo wa nihongo o midasu ka // Gairaigo. Tokyo: Kotoba-Yomiuri, 1993.
- Stanlaw 2004 — *Stanlaw J.* Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong University Press, 2004.